
ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Ф.Ю. Алипулатова*Дагестанский государственный университет**г. Махачкала, Россия*

Jemchujina58@yandex.ru

**О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ
ПУБЛИЦИСТИКИ И.А. БУНИНА****[*Feride Yu. Alipulatova* About some typological features
of I.A. Bunin's publicistic style]**

The article presents a research of publicistic heritage by I.A. Bunin. Scientific novelty of a research consists in the following: the complex analysis of poetics of publicistic texts by I.A. Bunin of the emigrant period is carried out; in the context of such phenomenon as prose of the poet, results of penetration of lyrical inclusion in I. Bunin's journalism are described. The following methods and types of the literary analysis were applied: comparative and typological, definite and textual, structural and analytical. Main results: reference points for development of a question of a ratio of art and documentary of I.A. Bunin in journalism, and also for further studying of lyrical receptions in "inartistic" prose of the author are planned so as to allow to gain a new impression about a role of publicistic genres in his literary heritage and results of interaction of poetry, art prose and journalism.

Key words: journalism, lyricism, poetics, prose, artistry.

Исследование публицистического наследия И.А. Бунина представляется особенно востребованным: актуальность подобного анализа обусловлена необходимостью описания творчества И. Бунина во всем единстве составляющих его частей – художественной прозы, поэзии и публицистики.

Творчество И.А. Бунина, в том числе его публицистика, отразило такую тенденцию, появившуюся в русской литературе уже с XVIII в., как растворение границ между стихом и прозой. Данные процессы привели и к активному взаимодействию лирики и публицистики, исследование которого делает теоретические поиски в названном направлении особенно значимыми. В этом случае «нехудожественная» проза И.А. Бунина, которая обнаруживает прямую зависимость от поэтического, художественного статуса автора, является примером органичного синтеза лирического и публицистического начал.

Ранее основной акцент делался исследователями творчества Бунина в основном на его произведениях художественных жанров. Но поэтика публицистической прозы данного автора требует отдельного, углубленного исследования: Бунин-публицист – это особая ипостась, не исследовав которую, невозможно получить полное представление о Бунине-писателе, Бунине-поэте. Анализируя публицистические произведения эмигрантского периода И. Бунина, необходимо выявить некоторые их специфические черты. В статье нам поставлены следующие исследовательские задачи: описать некоторые особенности изобразительно-выразительных приемов в публицистических текстах И.А. Бунина; проанализировать взаимодействие публицистического и художественного начал в творчестве писателя, поэта и публициста; определить значение публицистического наследия Бунина для формирования индивидуального стиля писателя и всего его творчества. Осуществлен комплексный анализ поэтики публицистических текстов Бунина эмигрантского периода; в контексте такого феномена, как проза поэта, описаны результаты проникновения лирических приемов в публицистику И. Бунина. При написании работы применялись следующие методы и виды литературоведческого анализа: сравнительно-типологический, конкретно-текстуальный, структурно-аналитический.

Информация была получена на основе анализа следующих научных, критических трудов: общетеоретических исследований Г. Барта, Б. Гаспарова, Л. Гинзбург, А. Жолковского, Ю. Лотмана, Р. Якобсона; научных трудов по творчеству И. Бунина А. Бабореко, О. Бердниковой, Г. Благасовой, Г. Климовой, Л. Крутиковой, С. Крыжицкого, Ю. Курбатовой, Ю. Мальцева, И. Карпова, В. Лаврова, О. Михайлова, С. Морозова, С. Полторацкой, Л. Смирновой, Г. Струве, А. Черникова и других.

Теоретическое исследование – в новом прочтении публицистического наследия И. Бунина в связи с проведенным анализом поэтики его публицистических произведений. Намечены ориентиры для разработки вопроса о соотношении художественного и документального в публицистике Бунина, а также для дальнейшего изучения лирических приемов в «нехудожественной» прозе автора, что позволяет получить новое представление о роли публицистических жанров в его литературном наследии и результатах взаимодействия поэзии, художественной прозы и публицистики как оригинального явления в отечественном литературном процессе XX в.

Яркие образцы публицистики в творчестве И. Бунина появились еще до эмиграции: это дневниковые записи, путевые дневники («Воды многие» (1910–1911)), наброски будущей книги «О Чехове» (1904, 1914 гг.). В годы эмиграции им были написаны мемуарно-философские произведения: «Освобождение Толстого» (1937), «Воспоминания» (1950), «О Чехове» (1955) и др. Для публицистических текстов Бунина характерна концентрация слов с одинаковыми суффиксами в значительных по размеру фрагментах, хотя она порой отягощает текст. Например: «Большую роль играет в человеческих делах просто глупость, слабость логики, наблюдательности, внимания, слабость и распущенность мысли, поминутно не доводящей своего дела до конца, – этим последним мы, народ сугубо эмоциональный, особенно страдаем» (очерк «О писательских обязанностях») [2, с. 42]. Очерки Бунина характеризуются грамматическими средствами, составляющими понятия со значением закономерностей: единственное число существительных с собирательным значением, абстрактные существительные. В публицистике автора часто встречаются особые лексико-семантические преобразования. Например, имена исторических фигур и литературных героев часто употребляются аллегорически, что подчеркивается посредством множественного числа: «...Ведь это Емельянов – родоначальник всех этих Брюсовых, Маяковских, Есениных, Шершеневичей, Луначарских... Вон недавно трамваи в Москве ходили с плакатами: “Я, Сын Человеческий, Анатолий Луначарский, создал новую мистерию: Иван в раю!”» («Страна неограниченных возможностей») [2, с. 149].

Употребление имен собственных во множественном числе придает им оттенок пренебрежительности, как, например, в очерке «О Чехове». Здесь с пиететом говорится о великих классиках, не имеющих аналогов, и, напротив, о новом поколении писателей пишется с презрением: это далеко не «штучный товар», потому автор прибегает и к соответствующему числу, перечисляя многочисленных графоманов: «“Как врач вам говорю: это все от некультурности. Державин, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Толстой, Тютчев, Майков и все прочие, подобные им, не пьянствовали и не надрывались. А вот как пошли разночинцы, все эти Левитовы, Нефедовы, Омудевские, так и пошла писать губерния...”» [2, с. 136].

На уровне лексики наблюдается преобладание слов, называющих отвлеченные понятия; реже используются собирательные существительные. Активно применяются общекнижные грамматические формы: краткие прилагательные

тельные, причастия (перешедшие в прилагательные), особенно в краткой форме, и др. Для Бунина принципиально важна оценочность; словарный состав его произведений очень разнообразен, однако частым является и употребление жаргонизмов, просторечных слов. Основные семантические поля, которые находятся в центре его анализа, – это «общество», «Родина», «духовность», «природа» и т.д. В лексике преобладают значения социальных, философских и нравственных категорий: «история», «народ», «человечество», «бытие», «вера» и др. Перечисленные понятия составляют и основу мотивной, лейтмотивной структуры публицистики Бунина.

Язвительная публицистика Бунина отличается «стилистической эклектикой» [4, с. 41], когда свободно сочетаются в общем контексте вульгарные и высокопарные слова. Вульгаризмы нередко соседствуют с книжной лексикой, что подчеркивает антагонизм разрывающих страну сил. Бунин открыто презирает оппонентов, часто позволяет себе грубые выпады и даже нарушение неких этических табу (уничижительное обыгрывание физических недостатков, например). Он употребляет некорректную лексику: «идиотский», «отребье», «полоумные сифилитики» и т.п.; в характеристике народа Бунин и вовсе не церемонится: «скотина без пастуха», «чернь» и «полудикари», «проклятые обезьяны».

Революция с ее тотально губительной для всего прекрасного и духовного сутью, в представлении Бунина, имеет характер не только социальной, но и культурологической катастрофы; бесповоротно обезображенным оказывается русский язык, к которому столь трепетно относился писатель: «Развертываешь номер за номером и видишь: “Борьба с цингой”, “Борьба с холерой”, “Борьба с тифом”, борьба со всяческими несметными “разрухами”, “Борьба со сквернословием”...

... И так – из номера в номер, изо дня в день, из недели в неделю – и нет конца, нет краю этому кошмарному блудословию!» [1, с. 32].

Мировосприятие Бунина всегда отличалось болезненной противоречивостью; подобная позиция объясняет обилие в бунинских текстах антитез, антонимов, оксюморонов, а также сложных наречий и прилагательных. В противоположность изломанному, изуродованному идеологией языку лозунгов и агиток в публицистике Бунина звучит чистый, торжественный речитатив псалмов и старославянизмов. Гармонизирующий язык Библии служит писателю утешением в дни революционного хаоса: он читает Писание, «думая о Нем и о той беспросветной тьме, что заступила уже все пути наши...» (очерк «Его вечной памяти») [2, с. 239].

По аналогии с языком священных писаний звучит и поминальная речь Бунина – молитва не столько по умершим, сколько по живым, обреченным на гибель: «Блаженны мертвые, блаженны очи не зрящие, уши не слышащие. И все же мы живем, и все же надо из последних сил тянуться, чтобы смотреть крепко и строго, чтобы жить сообразно своему человеческому, – все же человеческому! – званию, – ну, хотя бы в силу презрения, брезгливости к низости и зыбкости окружающего нас, – чтобы помнить, что все же будут, – как все-таки всегда бывали, – иные, более человеческие дни, когда каждому воздастся по стойкости и дальновидности его» («С новым годом») [2, с. 112].

В синтаксисе Бунина можно выделить обилие средств, обозначающих логические связи высказываний: вводные слова, союзы, а также слова и предложения с указанным типом связи. В своих дневниках и в «Окаянных днях», в том числе, Бунин использует назывные предложения – «односоставные предложения субстантивного типа, главный член которых имеет форму именительного падежа и совмещает в себе функцию наименования предмета и идею его существования, бытия» [3, с. 30]. С помощью подобных предложений автор называет различные явления, действия и состояния (холод, сумерки, снег, тишина, зима, утро, лето, ночь, рассвет т.д.), религиозные даты: «Весна»; «Ночь»; «Дождь»; «Лето семнадцатого года»; «Новый год»; «На западе облака в золоте»; «Тишина, огромные сугробы снега»; «Духов день». Такого рода конструкции, характерные для публицистических текстов Бунина, свойственны, как известно, в большей мере лирическим структурам.

Часто использует автор и ряды причинно-следственных конструкций, а также сложные предложения с многоступенчатыми конструкциями и нанизыванием однородных членов, вводных конструкций. Подобный синтаксис призван соответствовать многоуровневому процессу размышлений автора, а также сложности воссоздаваемого образа. Используются, таким образом, средства языка, выражающие результат аналитической деятельности Бунина, который исследует закономерности явлений, их причины и следствия, а также их значение для жизни российского общества.

Частично употребление Буниным сложных синтаксических конструкций объясняется его пристрастием к детализации в описаниях. Детали используются Буниным для создания образа-символа, для ассоциативных связей, а также для воплощения внешних и внутренних человеческих особенностей. В его

очерках присутствуют и существенные, и, казалось бы, несущественные детали, которые, по мнению Г. Колосова, «выполняют одинаково важные роли, хотя, на первый взгляд, вызывает сомнение утверждение о правомерности несущественных деталей. Основных, характерных деталей подчас бывает недостаточно. И второстепенная деталь, сама по себе представляющая мало ценности, приобретает в контексте весомости, необходимость и большую значимость» [5].

Риторические вопросы и восклицания звучат в бунинских текстах как безудержные эмоциональные всплески, а порой и как следствие беспомощности и отчаяния: «А всяческое каиново кровопролитие, уже четыре года вами учиняемое во славу «третьего интернационала», а величайшее в мире ограбление, вами произведенное в России “на цели” этого самого “интернационала”, с которым, как поете вы, “воскреснет род людской”?» («Об Эйфелевой башне») [2, с. 122].

Помимо риторических фигур, Бунин в своей публицистике часто применяет средства поэтического синтаксиса: повторы (анафору, полисиндетон и др.), асиндетон (бессоюбие), градацию, парцелляцию и др. Например, анафора в виде повторяющегося местоимения «мы» в произведении «Миссия русской эмиграции» создает тональность заклинания, торжественности, трагизма и, наконец, ощущение множественности (массовости жертв революции), подразумеваемой как самим местоимением, так и частотой его повторения в тексте.

Для публицистики Бунина вообще характерно употребление форм 1-го лица единственного числа местоимений, в том числе в обобщенно-личном значении. В указанном очерке местоимение «мы» употреблено в «родовом», обобщенно-личном значении [3, с. 52]: автор выступает от имени целого сообщества – «потерянного», поруганного поколения. Это «мы», заложенное в нем зерно сакральной христианской соборности принципиально отличаются, в интерпретации Бунина, от пролетарского стадного «мы-коллективизма».

Повторяет как заклинание Бунин и имя своей Родины, суть которой пытались понять и сформулировать многие. Но Россия все же осталась непостижимой и непознаваемой, – настолько полярные понятия она вмещает в силу своей географической и метафизической необъятности: «Получая вести из России, и до сих пор еще просто диву даешься, каким мерзавцем и скотом может быть человек... Распоясаться до такой степени все-таки можно только в России. И остаться безнаказанным за самое чудовищное преступление тоже легче всего в России...» («Страна неограниченных возможностей») [2, с. 147].

Повторы слов и целых эпизодов наряду с интонацией и синтаксическими параллелизмами Бунин использует как средства ритмизации своей публицистической прозы. В этом же качестве выступают и разнообразные однотипные детали, мотивы, элементы поэтической речи.

В очерке «Эртель», как и во многих других своих публицистических текстах, Бунин активно использует прием анафоры, благодаря которому образы получают цельность и законченность: «Как все мило в нем и вокруг него: и его сухощавая, высокая фигура, в прекрасном английском костюме, на котором нет ни единой пушинки, и белоснежное белье, и крупные, с рыжеватыми волосами руки, и висячие русые усы, и голубые меланхолические глаза, и янтарный мундштук, в котором душисто дымится дорогая папироса, и весь этот кабинет, сверкающий солнцем, чистотой, комфортом!» («Эртель») [2, с. 224].

Другой пример – повтор противительного союза «а» в риторическом обращении-обвинении против красных. Суть данного союза уже подразумевает конфликт, полярность, что вполне соответствует характеру отношений антиподов – «красных» и «белых». Потому, апеллируя к ненавистным большевикам от 1-го лица (употребляя «мы») – от лица пострадавшей России, Бунин бросает резкие обвинения тем, кого он называет «вы». Это «вы» не означает уважения, естественно, а подчеркивает нахождение противника «по ту сторону» поля боя, а также акцентирует катастрофическую массовость, численное превосходство идеологического врага. В данном случае анафора, облаченная в форму риторических вопросов, достигает, несомненно, максимального эффекта:

«А то, что сказочные богатства русского народа и несметные частные имущества, вами украденные, все в лоск ухлопаны вами на ваших наемных убийц, на чекистов, на провокаторов, на рекламу, на пропаганду и вообще на всяческий подкуп, подкуп и подкуп?

А то, что миллионы самых крепких, молодых сил употребили вы, как пушечное мясо, как «вооруженные силы» все того же интернационала?

А то, что у сотен тысяч мужиков не осталось, благодаря вам, ни самой паршивенькой лошаденки, ни самой заваливающей сохи, ни обрывка веревки, ни обломка железа?» («Об Эйфелевой башне») [2, с. 123].

Таким образом, для публицистических текстов И. Бунина характерно активное использование антитез, антонимов, риторических фигур, приемов поэтического синтаксиса: повторов (анафоры, полисиндетона и др.), асинде-

тона и др., а также сложных синтаксических конструкций как отражения сложной аналитической деятельности публициста-мыслителя. При этом публицистические творения Бунина обладают многими чертами художественной литературы, что позволяет продолжить их исследование в русле более масштабной литературоведческой проблемы – публицистики поэта как части общеизвестной проблемы прозы поэта, а также выявить сущностное свойство идиостиля Бунина – диалектичность, что проявляется в его творчестве как единство лиризма и публицистичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1990.
2. *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / И.А. Бунин. М., 1998.
3. *Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка. М., 1991.
4. *Колосов Г.* URL:<http://evartist.narod.ru/text/79.htm> – ftn19 (дата обращения: 14.03.2016).
5. *Писаренко Л.В.* Лингвостилистическое описание российской публицистики рубежа XX–XXI вв. и научно-публицистического субстиля // Дис. канд. филол. наук. М.: РГБ, 2003.

REFERENCES

1. *Bunin I.A.* Cursed days. M., 1990.
2. *Bunin I.A.* Publicism of 1918-1953 years / I.A. Bunin. M., 1998.
3. *Valgina N.S.* Syntax of the modern Russian language. M., 1991.
4. *Kolosov G.* URL: <http://evartist.narod.ru/text/79.htm>-ftn19 (date of circulation: 14.03.2016).
5. *Pisarenko L.V.* Linguostylistic description of Russian publicism of the turn of the XX-XXI centuries. And scientific-publicist substyle // Dis. Cand. Philol. Sciences. Moscow: RSL, 2003.

19 мая 2017 г.